

СУЗДАЛЬ В 1700 ГОДУ (по изображению на иконе)

Е. М. КАРАВАЕВА, А. А. ШЕННИКОВ

В Суздальском музее хранится обнаруженная Н. Н. Померанцевым икона Евфросинии Суздальской, расчищенная в Центральных художественно-реставрационных мастерских им. И. Э. Грабаря. В нижней части иконы видна надпись: «писан 1700 года июня в 6 день». Евфросиния изображена на фоне панорамы города¹. Детали панорамы подтверждают дату: видны Троицкая церковь, освященная в 1700 г., и деревянные стены и башни кремля, сгоревшие в 1719 г. (рис. 1 и 2). Н. Е. Миева по стилистическим признакам считает автором иконы неизвестного изографа Оружейной палаты².

Городской пейзаж Суздаля нарисован с такой точностью, как если бы его писали с натуры, только не с одной, а с нескольких точек зрения, наиболее выгодных для каждого элемента панорамы, разделенной на две части фигурой Евфросинии. Еще тоньше вплетены в пейзаж отдельные постройки, которые, оставаясь на своих местах, развернуты наиболее интересными для художника фасадами. Четырехэтажные палаты позади собора показаны фрагментом, срезанным рамкой иконы, и поэтому не оспаривают первенства у собора, так же как и высокая деревянная башня кремля, условно сдвинутая вперед и вниз (рис. 2).

Этим не исчерпываются «хитрости» изографа. Точка зрения так сильно поднята над землей, как будто художник пишет пейзаж, сидя на колокольне. Он видит храмы за стенами кремля и монастырей, узкие изогнутые улицы, тесно застроенные деревянными домами, далекие поля за городом и мягкий холмистый ландшафт

Ополя с селами и редкими рощами. Хотя главной темой фона должны стать Ризположенский монастырь, где жила Евфросиния, и Троицкий монастырь, построенный по ее завещанию, изограф нашел место на иконе и для посадских улиц, церковей Варваринского прихода, Александровского и Спасо-Евфимиевского монастырей, не забыв изобразить и колодец на переднем плане.

Перед самым написанием иконы в 1700 г. было закончено строительство Троицкой церкви, возведенной в Троицком монастыре на средства суздальских купцов — братьев Лихонинных. За несколько лет перед этим в Ризположенском монастыре была пристроена к собору новая паперть, сделаны знаменитые шатровые ворота, украшенные изразцами, перестроена в камне часть ограды.

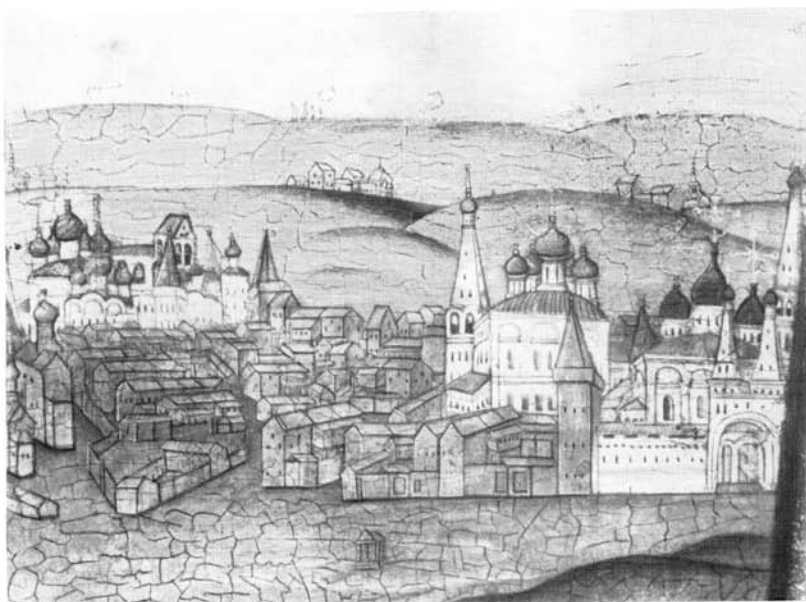
Все эти сооружения, показанные на иконе, обычно связываются с именами суздальцев посадских людей Мамина, Грязнова и Шмакова, которых считают зодчими-авторами¹. В основе этой традиции лежит сохранившаяся челобитная указанных посадских людей, которые просят освободить их от других посадских повинностей до окончания строительства в Ризположенском монастыре. В челобитной перечисляются разнообразные работы: «велено церковь и колокольню починить и обелить и вместо деревянной паперти сделать каменную и около монастыря ограду деревянную построить вновь против сметной росписи... главы... покрыть черепицею зеленою и на большой главе поставить крест железный четверокопечной позолоченной»².

¹ Репродукции по фотоснимкам Государственных центральных художественно-реставрационных мастерских, негативы № 7408, 7430 и 7509.

² Н. Е. Миева. Искусство Московской Руси, вторая половина XV—XVII вв. М., 1965, стр. 214.

¹ Н. Н. Ворони. Владимир—Боголюбиво—Суздаль—Юрьев-Польский. М., 1965, стр. 196.

² В. Георгиевский. Суздальский Ризположенский женский монастырь. Владимир, 1900, Приложение, стр. 12.

1. Северная часть Суздаля. Фрагмент изображения города на иконе 1700 г. и фрагмент плана (реконструкция по описи 1630 г.)

Монастыри: 1 — Спасо-Ефимиевский; 2 — Покровский; 3 — Александровский; 4 — Троицкий; 5 — Ризположенский; 6 — Варваринская церковь; 7 — монастырские слободы; 8 — улицы посада

Из челобитной трудно понять, были ли ее авторы вообще мастерами, и если были, то какими именно. Они не упоминаются в суздальских переписях среди записных каменщиков ни в 1678 г., ни в 1711 г. В то же время по челобитной видно, что Мамни, Грязнов и Шмаков не пришлые, а суздальские посадские люди. В описях XVII в. вообще, и в том числе в Суздале, каменщиков не причисляли к посадским людям, они жили на «белой» земле, а переведенные на посад перечислялись особо, как «каменщики из оброчных бобылей». Крупные мастера упоминались бы в переписях подобно Шубниковым, Курбатовым, Кувшинниковым, Жабоедовым и другим суздальским записным каменщикам, известным по ряду описей, с 1630 по 1711 гг. Пришлых отмечали прозвищами, например «Гришка Ипанов сын Угличенин», а если каменщик-суздалец уходил в другой город, это специально оговаривалось в описи.

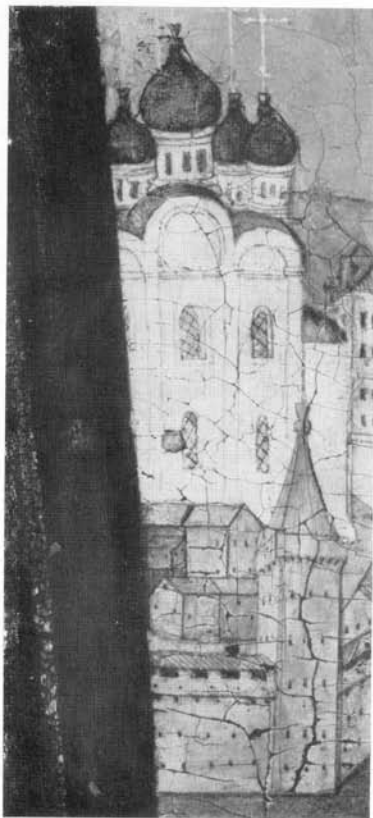
Да и зачем вообще было свободным от посадских повинностей каменщикам просить освободить их временно от этих повинностей?

Более вероятно, что Мамин, Грязнов и Шмаков были не мастерами-зодчими, а организаторами работ в бедном женском посадском монастыре, где в отличие от богатых монастырей не было своих приказчиков и стряпчих. Ризположенский монастырь в конце XVII в. считался посадским монастырем, не имеющим ни слобод, ни вотчин. Посадские люди сами заботились о его постройках. Для этой цели и могли быть выбраны трое посадских людей из наиболее надежных. Таким образом, нужно признать, что вопрос об авторах построек конца XVII в. в Ризположенском монастыре остается открытым.

В суздальской описи 1711 г. значится «канцелярии каменных дел Архитектурного дела ученик Илья Артемьев, сын Киприановых, 43 лет». Он был в то же время и художником-иконописцем, известно, что в 1730 г. он написал образ своей работы для Ризположенского монастыря («Образ укрестование Господа нашего Иисуса Христа»)¹. Представляется реальной возможностью участие Ильи Артемьева, сына Киприановых как в постройках той поры, так и в изображении этих построек на иконе. Окончательное решение вопроса об авторе иконы Евфросинии остается за искусствоведами — специалистами по иконописи.

Кто бы ни был автор иконы, он усел в этом произведении рассказать многое об архитектуре Суздаля: об умении сочетать древние постройки с новыми, каменные с деревянными, жилые с общественными в одном стройном и прекрасном архитектурном ансамбле, о связи города с природным окружением. На рубеже XVII и XVIII вв. изографы выработали то органическое соединение условного и документального, которое позволяло передавать живой портрет города, сохраняя в то же время все существенные подробности. Благодаря этому панорама на иконе Евфросинии может служить источником для изучения многих сторон русской культуры рубежа XVII и XVIII вв. Весьма ценны изображения элементов города, не дошедших до нас: стен и башен деревянных укреплений, деревянной городской жилой застройки.

Рассмотрим более подробно изображение двух городских жилых кварталов (рис. 1 и 3). Не только очертания кварталов и ограничивающих их улиц, но и усадебные участки показа-

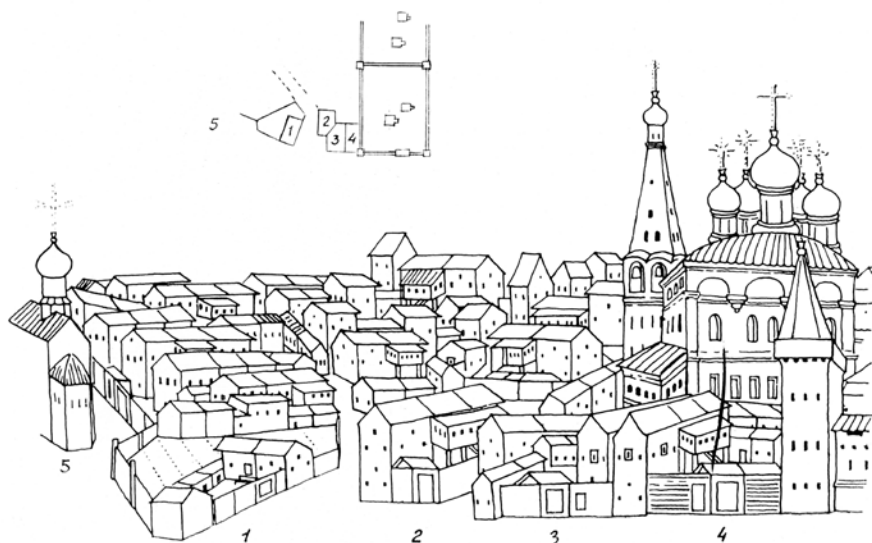
2. Вид кремля на иконе 1700 г.

ны с документальной точностью. В этом убеждает сопоставление данного фрагмента с более ранним планом города, реконструированным по описи 1630 г.¹, а также с планом Суздаля 1779 г.².

¹ Е. М. Каравеева. Градостроительное развитие Суздаля. Сб. «Исследования по истории архитектуры и градостроительства», М., 1964, стр. 157.

² ЦГАДА, ф. 1300, № 117. План провинциального города Суздаля с прилежащими к нему всеми землями; межевал Тарбеев в 1779 г.

¹ ЦГАДА, ф. 1209, № 11327. Суздаль. Переписная книга 711 г., лл. 17 об., 259, 276. В. Георгиевский. Указ. соч., стр. 57.

3. Фрагмент иконы. Прорисовка панорамы города и фрагмент плана (реконструкция по иконе 1700 г.)

Усадьба 1 расположена на угловом участке неправильной многоугольной формы, большая часть которого занята огородом с высоким забором. Собственно двор четырехугольный, открытый, с П-образной застройкой. Справа, если смотреть с улицы, находится дом, слева и вдоль задней стороны двора идут хозяйственные постройки. Дом, поставленный торцом к улице, состоит из избы и обширных сеней. Изба имеет по три волоковых окна на уличной и дворовой стенах. По размещению окон (среднее выше крайних) можно предположить, что изба курная. Дом одноэтажный, пол слегка приподнят над землей, что видно по двум ступенькам перед дверью. Постройка с левой стороны — скорее всего клеть, но может быть это амбар или житница. В глубине двора видно не менее трех примыкающих друг к другу низких строений, из них два с дверями на уровне земли. Это могут быть постройки для скота, баня, погреб с напогребницей и т. д. — строения, обычные в посадских дворах того времени (бани тогда ставились чаще во дворах, а не на задворках, как в XIX в.). Проезд в огород возможно не

виден из-за клетки. Ворота на улице простые, без навеса и калитки.

Известно немало описаний городских усадеб XVII и начала XVIII вв., похожих на эту усадьбу. Например, в Шувее, ближайшем к Суздалью уездном городе, в 1656 г. описан двор монастырского крестьянина, «а на дворе хороша изба с передизьбем, да против избы анбарец, да баня с передбанником, да около того... двора городьба кругом...»¹. В Симбирске в 1733 г. описан двор солдатской вдовы: «изба с сенями, баня, погреб с напогребницей, клетушка, конюшня, двор в городьбе с вороты...»². Известны и другие описания усадеб подобного состава, и все это — усадьбы мелкого городского люда: небогатых посадских людей, рядовых стрельцов, прижившихся в городе крестьян.

Усадьбы 2, 3 и 4 выглядят совсем иначе. Огородов нет. Может быть, на участке 5, куда

¹ Купчина крепость 1656 г. Владимирские губерские ведомости, 1851, № 43, стр. 290.

² Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского двора, т. 4, Симбирск, 1904, док. № 170, стр. 445—446.

художник условно поместил церковь, стоящую на самом деле правее, могли находиться огороды, но не менее вероятно, что усадьбы состояли из одних дворов. Последнее может означать, что владельцы — либо помещики, имеющие где-нибудь еще другие усадьбы, либо служащие, получающие жалование, подьячие, стряпчие (по плану 1779 г. участки усадеб 3 и 4 — «белые земли», принадлежащие непосредственным сословиям). Все три двора приблизительно прямоугольные, с довольно тесной П-образной или Г-образной застройкой. Постройки здесь многочисленные, крупнее и сложнее, чем в усадьбе 1. Дома — двухэтажные трехкамерные «связи» с крыльцами у сеней, поставленные перпендикулярно улице. Это хорошо известный по многим описаниям типичный дом среднего феодала или богатого горожанина, имеющий наверху чаще всего две горницы с сенями между ними (реже — светлицы, избы, клетки), а внизу — жилые или нежилые подклеты. В усадьбах 3 и 4 верхние помещения домов, обращенные к улице, — горницы, судя по косатым средним окнам, а в усадьбе 2 это помещение более подходит на избу.

Интересны крыльца домов, представляющие собой крытые галереи с рядами окон, поставленные на высоких столбах на уровне сеней второго этажа. В полу галереи устроен люк, через который проуцнаца снизу лестница, расположенная между столбами.

Такая форма крыльца известна по нескольким сохранившимся каменным крыльцам конца XVII в. Таковы два крыльца в Борисоглебском монастыре близ Ростова (у трапезной и у звонницы), поставленные, правда, не вдоль стен, а перпендикулярно им. Здесь лестницы также проходят через отверстия в полу, вокруг которых получаются круговые обходные галереи. Это похоже на устройство «отводной стрельницы» крепостных ворот, и возможно, что первоначальное утилитарное назначение такого крыльца — тоже оборонительное: с галереи можно было стрелять в спину врагам, интурмовавшим вход в здание.

Для монастырских крылец конца XVII в. и крылец городских домов 1700 г. такое оборонительное устройство было анахронизмом. Но для сельских помещичьих усадеб такие и многие другие военные приспособления (вплоть до пушек!) вполне обычны не только в 1700 г., но и позже, ибо вооруженные столкновения мелких помещиков между собой были довольно частыми. Поэтому сохранение подобных устройств в данном случае не вызывает удивления

и косвенно подтверждает нашу мысль о феодальной принадлежности этих городских усадеб.

В усадьбах 2, 3 и 4 видно еще много разных строений. Неясно, к какому двору — 2 или 3 — относится расположенная между ними довольно крупная постройка, двухэтажная или на высоком подклете, судя по окнам жилого. Это могут быть старые жилые хоромы одной из усадеб, после постройки нового дома еще некоторое время стоявшие рядом с ним. Возможно также, что это связанные в ряд клетки или сеники на подклетах, используемые как неотопляемые сальные и имеющие окна (в этом случае на другой стороне постройки должна быть галерея вдоль верхнего этажа)¹. Одноэтажные строения на левой стороне двора 3 — скорее всего «людские избы», в глубине двора 4 левая — с широкой дверью на уровне земли — вероятно, конюшня; правая — возможно тоже «людская изба».

Для усадеб 2, 3 и 4 тоже можно найти более или менее близкие аналоги среди опубликованных описаний русских городских усадеб конца XVII и начала XVIII в. Например, в Москве, в Китай-городе, в 1693 г. описана усадьба стольников Ивана и Семена Плещеевых, не самых мелких феодалов, у которых эта усадьба была явно не единственной. Двор не имел огорода и занимал узкий участок, вытянутый перпендикулярно улице, длиной 18 1/3 саж. и шириной от 5 до 7 1/3 саж. Как и двор 4, он был зажат между монастырской усадьбой и двором какого-то стряпчего. На дворе было «хоромного строения: две горницы на жилых подклетах, промеж ими сени, да на том же дворе избушка малая поземная... ворота створчатые с калиткою...»².

В Москве в 1714 г. описана усадьба подьячего: двор с небольшим огородом на участке длиной 38 саж. (очевидно, включая огород) и шириной от 4 1/3 до 5 саж. Там были «две горницы, одна на глухом, другая на жилом подклетах, меж ими сени о дву жилых с чердаком, в обих сенех по чулану забраны в косяк, над крыльцом чулан забран в косяк, погреб с напоребницею да конюшня с сушилом; круг

¹ Подробнее о клетях, сениках и других постройках этого типа см.: А. А. Шениников. О русских крестьянских усадьбах XVI в. «Доклады отделения этнографии Географического общества СССР», вып. 2, Л., 1966, стр. 16—22 и рис. 3.

² И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. ч. 2, М., 1891, док. № 81, стр. 706.

того двора городьба заборы..., ворота передние в верях о дву щитах с калиткою...»¹. Очевидно, в обеих описанных усадьбах все постройки могли стоять только в один ряд перпендикулярно улице.

«Чердак» над сенями — это род мезонина, обычно облеженной, каркасной конструкции. Крыльцо с «чуланом» над ним — сооружение более сложное, чем описанные выше формы крылец: над нижним «рундуком» (площадкой) крыльцо ставилось на столбах небольшое строение с окнами, отделенное от галереи перегородкой, иногда с входом прямо из дома. Каменные варианты таких крылец с «чуланами» сохранились при некоторых домах в Пекове и Гороховце, встречаются и при церквях.

По большей части описаний, городские усадьбы таких размеров и с таким составом построек принадлежали либо средним феодалам, либо богатым посадским людям, различным служащим и другим горожанам богаче среднего уровня. Это тоже подтверждает наши соображения о социальном положении владельцев усадеб 2, 3 и 4. Но богатейшая верхушка городского населения — крупные феодалы (светские и церковные), богатые торговые люди — имели усадьбы иного типа.

В левом квартале, за усадьбой 1, виден ряд дворов, подобных дворам 2, 3 и 4, без огородов, на узких участках, с двухэтажными трехкамерными домами «связями», поставленными перпендикулярно улице. В правом квартале видим довольно разнообразные и, на первый взгляд, беспорядочно поставленные постройки. При внимательном изучении там обнаруживается не менее четырех больших трехкамерных домов, более крупных, чем рассмотренные, а между ними несколько маленьких, вроде тех, которые мы определили как «людские избы».

Большие дома, в отличие от рассмотренных выше, состоят из срубов разной высоты, покрытых самостоятельными крышами; по крайней мере два из них (самых дальних) выше сеней на целый этаж.

А поскольку сени, судя по крыльцам, помещаются во втором этаже, эти высокие срубы над, очевидно, считать трехэтажными. Вместе с тем, эти два сруба по площади, кажется, меньше обычных избных и определенно мень-

ше сеней, что подтверждается и количеством окон, которых не три, а два на этаж в каждой стене. Двухскатные крыши здесь выше и круче, чем на остальных постройках.

Сопоставляя все эти особенности, можно предположить, что в правом квартале на заднем плане изображены усадьбы богатых горожан или помещиков. Согласно описаниям и чертежам XVII и начала XVIII в. для таких усадеб характерны обширные дворы с господскими хоромами посередине и с прочими строениями вдоль ограды. В городах при тесноте застройки и высокой стоимости земли это могли позволить себе лишь самые богатые. Кажущаяся беспорядочность застройки можно объяснить именно наличием таких больших дворов с домами посередине. О богатстве владельцев свидетельствуют и большие размеры хором, и упомянутые трехэтажные постройки. Это, несомненно, повалуши — башнеобразные сооружения в три этажа и более, до начала XVIII в. частые в хоромных феодалов.

На некоторых изображениях русских городов XVI — начала XVIII в. жилая застройка показана как комплекс однотипных усадеб, в лучшем случае с вариациями лишь в деталях: планы Москвы Герберштейна и «Петров». Хотя известно, что городские усадьбы были далеко не однотипны, И. Е. Забелин считал, что до XVIII в. усадьбы разных классов населения России различались между собой лишь размерами и степенью сложности и украшенности, а не существенными особенностями устройства¹.

Икона Евфросинии Суздальской наглядно показывает, что другие изображения городской застройки в виде совокупности одинаковых или почти одинаковых усадеб — не более как графическая условность. Заметна разница и в планировке дворов, и в составе построек, и в устройстве последних между усадьбами разных классов и групп городского населения России конца XVII — начала XVIII в. Если же сравнить рассмотренные изображения городских усадеб с рисунками сельской застройки того же времени, то обнаруживаются еще более глубокие, качественные различия.

¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей прежнего времени. «Отечественные записки», 1851, № 1, стр. 150. Его же. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. «Древняя и новая Россия», 1878, № 3, стр. 198.

¹ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. ч. 2, М., 1891, док. № 95, стр. 723.